

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО В КОДИФИКАЦИОННЫХ ОПЫТАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Р. С. Тараборин

*профессор кафедры теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор
Уральский институт управления-филиала РАНХ и ГС при
Президенте РФ, г. Екатеринбург, Россия*

Статья посвящена сравнительному анализу гражданско-правовых аспектов двух законодательных актов первой половины XVI в. – Статута 1529 г. и Судебника 1550 г. Московского государства, позволяющему выявить различия в правовом развитии белорусского и русского обществ.

Артыкул прысвечаны параўнальнаму аналізу грамадзянска-правовых аспектаў двух заканадаўчых актаў першай паловы XVI ст. – Статута 1529 г. і Судзебніка 1550 г. Маскоўскай дзяржавы, дазваляючаму выявіць розніцу ў прававым развіцці беларускага і рускага грамадства.

The article is devoted to a comparative analysis of the civil law aspects of two legislative acts of the first half of the 16th century – the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 and the Judicial Code of 1550 of the Moscow State, which makes it possible to identify differences in the legal development of Belarusian and Russian societies.

Рубеж XV-XVI вв. в европейской истории стал важнейшей исторической вехой, обозначившей начало перехода от позднего средневековья к новому времени. Сущностные изменения во всех сферах общественной жизни, происходившие в большинстве стран Европы на протяжении XVI в., ускорили темпы их исторического развития и привели к образованию своеобразной пропасти в истории Европы между XV и XVI вв. [4, с. 5].

Естественно, что в разных странах процессы перемен протекали с особенностями, отражавшими специфические черты их предшествующего исторического развития. Но это были различия, которые оставались в рамках общеевропейского системного тренда: перехода от феодализма к капитализму или в современной модернизационной трактовке – от общества аграрного к раннеиндустриальному (на мануфактурной основе) обществу.

В государственно-правовой сфере ярким проявлением этого тренда явились усилия, предпринимавшиеся по кодификации (систематизации) законодательства. Кодификация в условиях системного перехода выступает одновременно как цель и как средство

государственной политики, она «становится самостоятельным фактором общественного развития, аккумулируя в себе отношения, противоречия, настроения эпохи» [5, с. 72].

Одним из самых важных событий кодификационных процессов в европейской истории XVI в. явилась законотворческая деятельность в ВКЛ – создание трех преемственных между собой общегосударственных Статутов: 1529, 1566 и 1588 гг. «Выданне Статута, – указывал Я. А. Юхо, – было велізарным якимсь скачком у справе кадыфікацыі і сістэматызацыі заканадаўства. Разам з тым Статут з'явіўся трывалай асновай для далейшага развіцця заканадаўства, ён быў галоўнай крыніцай, асновай пры падрыхтоўцы Статута 1566 г.» [12, с. 206].

Первый Статут отличался безусловной правовой новизной в масштабах всей Европы и, как отмечал М. В. Довнар-Запольский, «в смысле высоты юридического правового творчества Статут далеко оставляет за собой современные ему славянские и западноевропейские кодексы» [2, с. 159].

В этом отношении значительный научный интерес представляет сопоставление Статута 1529 г. с современными ему примерами иных кодификационных усилий, особенно предпринимавшихся в соседних странах. Таким примером может, в частности, служить кодификация первой половины XVI в. в Московском государстве, результатом которой явился царский Судебник 1550 г.

Настоящая статья посвящена сравнительно-правовому анализу двух опытов систематизации права, предпринятых в самом начале переходной эпохи в соседних странах Восточной Европы – ВКЛ и Московском царстве, осуществляемому на основе изучения гражданско-правовых аспектов этих законодательных документов.

В условиях начинавшейся трансформации традиционных средневековых социальных порядков вопросы регулирования отношений собственности, особенно земельной, наследования недвижимого и движимого имущества, заключения и выполнения различных видов договоров (займы, залоги и т. д.) приобретали важнейшее значение, в первую очередь для привилегированных сословий (магнатов и шляхты в ВКЛ, боярства и дворянства в Московском государстве). Конечно, для центральной власти главное значение имело обеспечение феодального социального порядка, что определяло приоритетное место в законотворчестве государственного и уголовного права, судопроизводства. Но именно характер законодательного регулирования частноправовых отношений являлся одним из ключевых показателей достигнутого обществом уровня социально-экономического развития.

При сопоставлении текстов данных законодательных актов [7; 8] первое, на что неизбежно обращается внимание, – существенные различия в общем объеме и принципе структурирования нормативного материала.

Статут 1529 г. имел четкое разделение на тринадцать отдельных разделов, каждый с собственным названием, раскрывавшем его основное содержание, и с нумерацией входивших в него артикулов (статей). Последние, кроме номера, также имели название, объяснявшее предназначение правовых норм данной статьи. Общее число артикулов первоначально составило 243, но в дальнейшем Статут дополнялся.

Московский Судебник 1550 г. был структурирован только по отдельным главам (статьям), не имевшим специальных названий. Историками права в целом был сделан вывод о наличии неявной внутренней структуры в виде группировки сходных по содержанию статей (государственное право, уголовное право, гражданское право) [3, с. 151; 9, с. 277]. Но общее число статей заметно уступало Статуту 1529 г. – 99 или 100 статей (по разным спискам).

Очевидно, что работа составителей и Статута 1529 г., и Судебника 1550 г. не была чисто механической, их правовое сознание позволяло понимать и разделять разные по сфере преимущественного применения правовые нормы. Но с точки зрения юридической техники, на наш взгляд, система Статута все-таки в большей мере выглядела как движение в сторону нового времени, а Судебника – как пребывание в границах позднего средневековья.

Как справедливо отмечал И. А. Юхо, Статут 1529 г. «был первым в Европе систематизированным сводом законов различной направленности» [11, с. 83]. Нельзя также не согласиться с оценкой Т. И. Довнар, что «принятие Статута 1529 г. определило границу между партикулярным средневековым правом и новым систематизированным и унифицированным законодательством» [1, с. 19]. Однако использовать подобные или близкие оценки применительно к Судебнику 1550 г., даже с чисто формально-юридической точки зрения, будет явным преувеличением.

Отмеченные общеструктурные отличия проецируются и на собственно гражданско-правовые аспекты этих законодательных памятников.

Составители Статута явно осознанно провели внутреннюю группировку норм гражданского права (материального и процессуального) – де-факто по принципу институтов права. Так, IV – V разделы содержали нормы брачно-семейного и наследственного права, VIII-IX – вещного права, X – обязательственного права. Общая

численность артикулов, относимых к гражданскому праву, достигала 75, то есть они составили примерно 31% от общего объема Статута.

В Судебнике 1550 г. к числу статей, включавших нормы материального и процессуального гражданского права, можно отнести, хотя и не без оговорок, примерно 22 статьи (ст. 76 – 97), то есть 22% от общего объема этого документа. Отметим, что и дореволюционными, и современными исследователями представительность гражданского права в Судебнике 1550 г. расценивалась как незначительная, не отражавшая его реального значения в жизни общества [3, с. 151; 9, с. 280].

Конечно, сами по себе цифровые показатели позволяют зафиксировать лишь факт большего внимания, уделенного законодателями ВКЛ регулированию гражданско-правовых отношений. Но этот факт опосредованно отражал и уровень достигнутого белорусским обществом социально-экономического развития («развитие производительных сил и общее усложнение экономической жизни требовали законодательного регулирования отдельных сторон частноправовой деятельности шляхетского сословия» [6, с. 504]), и уровень его правосознания («Статут 1529 г. представляет собою правовую мысль, весьма сильно развитую» [2, с. 159]).

Подтверждения такой оценки обнаруживаются при обращении к сравнительному анализу содержания конкретных статей гражданско-правового характера в составе обоих законодательных источников.

Прежде всего, нельзя не отметить значительное место, которое в Статуте 1529 г. было уделено правовому регулированию наследственных вопросов, связанных с обеспечением интересов вдов и девушек (приданое), а также различных аспектов опеки (разделы IV, V).

Так, в шести артикулах раздела IV регулировались различные варианты наследования вдов (в зависимости от наличия вено, детей, нового замужества) [7, с. 153 – 155], а в 10 артикулах раздела V – различные коллизии, возникавшие при опеке [7, с. 158 – 162].

Поэтому контрастным представляется полное отсутствие в Судебнике 1550 г. каких-либо статей, регулировавших подобные аспекты гражданско-правовых отношений.

В Статуте 1529 г. разрешались также разные коллизии, связанные с приданым дочерей [7, с. 155 – 157]. Эти правовые решения, по нашему мнению, доказывали наличие достаточно гибкой системы обеспечения приданым, как необходимым компонентом семейно-брачных отношений. Следует указать, например, на право наследования части имени, получаемого по материнской линии (арт. 7 – 9 р. IV) в равных с

братьями частях. Имена по отцовской линии наследовались сыновьями, но и из них девушки получали приданое для замужества (арт. 12).

Проблемам наследования в Статуте 1529 г. были посвящены и артикулы раздела V. Так, утверждалось право (с оговоренными исключениями) каждого лица составить завещание на свое имущество (арт. 14), подробно регулировался порядок составления завещания на движимое имущество (арт. 15), определялись требования к свидетелям при составлении завещания (арт. 16) [7, с. 163 – 164].

Обращаясь же к Судебнику 1550 г., удастся обнаружить лишь одну весьма краткую статью (ст. 92), посвященную регулированию общего порядка наследования по закону (в случае отсутствия духовного завещания). Она предусматривала приоритет в наследовании сыновей и лишь в случае отсутствия таковых допускала наследование дочерьми [8, с. 119].

Различие двух правовых актов прослеживается в трактовке и такой формы обязательственного права, которая свидетельствовала о развитии в обществе товарно-денежных отношений, как залог.

Регулированию различных коллизий, возникавших при залоге недвижимого (имение) и движимого имущества, отводилось 7 из 10 артикулов раздела X Статута 1529 г. [7, с. 199-201]. Залог либо оговаривался в договоре на определенный срок, либо, если не оговаривался, то имел (арт. 5) бессрочный характер. Здесь прослеживалось обеспечение прав залогодателя, что, видимо, было важно для шляхетства, нередко нуждавшегося в денежных средствах, но не заинтересованного в полной утрате собственности.

В Судебнике 1550 г. залог рассматривался только применительно к выкупу родового имения с ограничением срока последнего в 40 лет и установлением различных иных ограничений, долженствующих предотвратить приобретение имений в залог «сторонними людьми» (ст. 85) [8, с. 117]. В то же время вотчинник обладал правом продавать вотчину по своему желанию, в том числе минуя близких и дальних родственников.

Среди других вопросов обязательственного права в обоих законодательных источниках внимание уделялось регулированию займов и возникающих в связи с ними долговых обязательств.

В Статуте 1529 г. внимание было сосредоточено на урегулировании долговых обязательств, связанных с покупкой или залогом обремененных долгами имений, а также устанавливалась обязательность письменного оформления долговых обязательств на сумму свыше 10 коп. Предусматривалось, что расхождения заемщиков и

кредиторов должны были иметь судебное разрешение (арт. 1 – 3, р. X) [7, с. 198 – 199].

Составители Судебника 1550 г. аналогично предусматривали письменное оформление договора денежного займа с участием в придании ему силы должностных лиц (ст. 36) [8, с. 103]. Однако из содержания другой статьи, посвященной займу (ст. 85), следовало, что результатом такого договора становилось кабальное холопство заемщика [8, с. 117]. Поэтому, в сущности, данная форма займа становилась инструментом продления существования, правда, в ограниченных формах (как служилая, а не личная кабала – ст. 78 [8, с. 116]), средневекового русского института холопства.

Таким образом, проведенный историко-правовой анализ гражданско-правовой составляющей кодификационных опытов первой половины XVI в., реализованных в ВКЛ и в Московском государстве, дает основания полагать, что в переходную эпоху от позднего средневековья к новому времени белорусское и русское общества в данной правовой сфере вступали с различных достигнутых позиций.

Выявленные расхождения двух законодательных актов, как их структуры и внутренней организации, так и нормативно-правовой регламентации институтов гражданского права, конечно, проистекали из различия тех путей, которыми двигались белорусское и русское общество после расхождения их исторических судеб в XIII в. В сравнительно лучшей разработанности вопросов гражданского права в Статуте 1529 г. следует видеть не только бóльшую развитость социально-экономических отношений, но и различие политических ориентаций двух государств.

Следовательно, различным оказывался и потенциал дальнейшего правового развития. На протяжении XVI в. белорусская правовая мысль существенно продвинулась в сторону идей нового времени, нашедших более полное воплощение в статутах 1566 и 1588 гг. В третьем Статуте, указывал И. А. Юхо, получили более четкое отражение «некоторые прогрессивные идеи, развиваемые идеологами гуманизма и рационализма» [11, с. 90]. Аналогичного движения, особенно в сфере гражданско-правовых отношений, в Московском самодержавном царстве практически не наблюдалось. Не случайно, что в приказном законотворчестве, игравшем ключевую роль в Москве во второй половине XVI в., получило распространение обращение именно к законодательству соседнего государства: «Литовский Статут был той книгой, которой пользовались приказы в затруднительных для них случаях» [10, с. 34]. Наконец, не должно забывать, что Статут 1588 г.

был использован в качестве источника и при составлении Соборного Уложения 1649 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Довнар Т.И. Особенности исторической эволюции белорусской государственности // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь : сб. ст. Минск : Право и экономика, 2011. С. 14–37.
2. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2005. 680 с.
3. Исаев И.А. История государства и права России. Учебник. М. : Юристъ, 2004. 797 с.
4. История Европы : в 8 т. М. : Наука, 1988-1994. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). 1993. 656 с.
5. Медушевский А.Н. Кодификация права в странах Восточной Европы эпохи просвещенного абсолютизма. Сравнительное историко-правовое исследование // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода : сб. ст. М. : ИРИ РАН, 1993. С. 71-104.
6. Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV-XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М. : Изд-во АН СССР, 1961. 816 с.
7. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Под ред. К. И. Яблонского. Минск : Изд-во АН БССР, 1960. 253 с.
8. Судебник 1550 года // Российское законодательство X-XX вв. : в 9 т. М. : Юрид. лит-ра, 1984-1994. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства (XIV-XVI вв.). 1984. С. 97-120.
9. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права (Пособие к лекциям). Изд. 4-е, изм. и доп. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. Ч. I. 796 с.
10. Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань : Тип. Императ. ун-та, 1898. 128 с.
11. Юхо И.А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке // Памяць і слава : Іосіф Аляксандравіч Юхо. Да 90-годдзя з дня нараджэння / рэдкал. : С. А. Балашэнка [і інш.]. Мінск : БДУ, 2011. С. 45-144.
12. Юхо Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : Вучэбн. дапам. У 2 ч : Ч. 1. Мінск : РІВШ БДУ, 2000. 352 с.